

КОНКУРЕНТНАЯ МОДЕЛЬ СВЕТСКОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу конкурентной составляющей современной российской модели светскости. Государственно-конфессиональные отношения рассматриваются как составная часть модели светскости государства. Анализируются конкурентные стратегии религиозных организаций и предлагается их типология. Показана взаимообусловленность конституционно-правового и институционального аспектов конкуренции, их эволюция. Сделан вывод о формировании в России ограниченной институциональной конкурентности в рамках существующей модели светскости.

Ключевые слова: светскость, государственно-конфессиональные отношения в России, религиозные организации, конкурентная модель.

Конституционный принцип светскости Российского государства реализуется в рамках определенной модели государственно-конфессиональных отношений, которая обуславливается совокупностью политических и неполитических факторов. Трансформация этих отношений на протяжении 25-летней постсоветской истории знаменовалась изменением приоритетов государственно-конфессионального взаимодействия, существенными коррекциями стратегий основных акторов этих взаимодействий – государственных институтов и крупнейших российских религиозных организаций.

В рамках постановки исследовательской задачи изучения векторов трансформации современной российской модели светскости в ее конкурентном аспекте необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Так, модель государственно-конфессиональных отношений будет рассматриваться как составная часть модели светскости государства, которую во многом и обуславливает. Если первая характеризует взаимодействие религиозных и

государственных институтов, то вторая более широко характеризует место и роль религии в рамках общественных отношений, составной частью которой являются и государственные отношения. При этом заметим, что модель государственно-конфессиональных отношений в иных политических системах может существовать и автономно, если государство не является светским.

Государственно-конфессиональные отношения в России можно охарактеризовать как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимодействий между государственными и религиозными институтами в рамках политической системы, как устойчивую конфигурацию взаимодействий государственных и религиозных институтов, обусловленную, с одной стороны, правовой системой государства и допускаемыми им формальными и неформальными коммуникационными практиками, а с другой – программными документами и учением соответствующих религиозных организаций. Среди признаков устойчивости такой модели автором предлагалось выделять, во-первых, отсутствие изменений в законодательстве государства, определяющих положение и коммуникационные возможности религиозных организаций, а во-вторых, отсутствие изменений в базовых установках наиболее крупных религиозных организаций по отношению к государству, власти, своему месту в политической системе страны. Это позволяло фиксировать начальный этап формирования в России концептуальных рамок новой модели в 1993 г. и вступление ее в фазу стабилизации в начале 2000-х гг. (маркерами здесь являлось принятие Конституции РФ, Закона о свободе совести и религиозных объединениях и вытекающие из него практики государственно-конфессиональных взаимодействий¹).

Возникает вопрос: как и по каким критериям оценивать эволюцию этой модели? Ответ на него позволит оценить масштабы и последствия трансформации модели светскости, вовремя выявлять вызовы и угрозы стабильности существующей модели, а в крайних случаях и фиксировать ее распад, а также перерождение в нечто новое. В рамках настоящей публикации ставится задача проанализировать один из аспектов этой эволюции, а именно критерий конкурентности. В контексте настоящего исследования он имеет особое значение, так как одновременно может являться одним из признаков светскости как таковой.

Понятие светскости, хотя и является базовым конституционным принципом, формирующим основы конституционного строя России, тем не менее допускает широкий спектр интерпретаций по поводу тех признаков, которые собственно и составляют его содер-

жание. Более того, даже корректное определение «светскости государства», «светскости образования», «светскости государственной службы» оказывается затруднено благодаря порой диаметрально противоположным смыслам, которые вкладывают исследователи в эти понятия². Если государство не является теократическим, антирелигиозным или авторитарно-идеократическим с общеобязательной идеологией (секулярной квазирелигией), то во всех иных случаях оно формирует различные модели светскости, своеобразие которых определяется системой требований, которая обеспечивает взаимную независимость государства и религиозных объединений в определенных сферах их компетенции³. Эта же система требований формирует конкурентное пространство, в котором находятся религиозные организации. Другими словами, модель светскости всегда конкурентная, только рамки этой конкуренции могут отличаться.

Конкурентность модели светскости может реализовываться в общественной и государственной плоскостях. В первом случае мы имеем дело с тем, что можно назвать конкуренцией на «рынке» религиозных услуг, как ее описал, например, У. Лобделл на материалах религиозной жизни США, где церкви борются за прихожан, используя классические маркетинговые инструменты, а сами прихожане выбирают себе церковь, как классический потребитель выбирает товар, оценивая множество факторов, которые представляются для них значимыми (от социальных программ и форм организации совместного досуга до социального статуса прихожан и оформления молитвенников)⁴. Это, собственно, и формирует конкурентное поле религии в пространстве общественных отношений в рамках американской модели светскости. Безусловно, анализ практик подобной конкуренции может и должен являться предметом исследования. Но подобная конкурентность представляется все-таки производной от тех «правил игры», которые формирует государство, от того, насколько и в каких формах оно позволяет ей реализоваться. Безусловно, конкретные нормативные практики конкуренции могут формироваться светским государством с учетом позиции религиозных организаций, но это принципиально не меняет ведущую роль в этом процессе государства, за которым остается последнее слово. А уже религиозные организации, исходя из установленных государством правил и принципов, могут воспользоваться предоставленной возможностью участвовать в конкуренции и выбрать одну из трех стратегий.

1. Включиться в конкурентную борьбу, вести активную миссионерскую работу и прозелитическую деятельность (в России так

действуют преимущественно протестантские религиозные организации, а также представители нетрадиционного ислама).

2. Включиться в конкурентную борьбу, но при этом ограничить свою миссионерскую и прозелитическую деятельность (например, иудейские организации, ограничивающие свою миссию этническим еврейством, или существующий де-факто «пакт» между Русской православной церковью (далее РПЦ) и крупнейшими российскими мусульманскими организациями об ограничении прозелитической деятельности в отношении верующих, принадлежащих той религиозной традиции, с которой заключен «пакт». Миссионерская деятельность при такой стратегии ограничивается работой с «неопределившимися», причем такими, чья национальная идентичность также не предполагает возможной ассоциации с определенной религиозной традицией. Например, чеченец – мусульманин. Здесь весьма показательна официальная позиция РПЦ, которая фактически демонстрирует подобное самоограничение – «миссия традиционных конфессий возможна лишь в тех условиях, когда она осуществляется без прозелитизма и не за счет “переманивания” верующих, особенно с использованием материальных благ»⁵.

3. Третья стратегия – самоустранение. Религиозная организация фактически игнорирует принципы конкуренции, обозначенные государством. Она полностью исключает себя из конкурентного пространства, сосредотачиваясь исключительно на членах собственной общины. Очень часто такие объединения не стремятся даже получить статус религиозной организации, ограничиваясь статусом религиозной группы. К их числу можно отнести, например, некоторые из объединений старообрядцев, этноконфессиональные сообщества, основу идентичности которых составляет принадлежность к определенной религиозной традиции (например, российские ассирийцы, последователи Ассирийской церкви Востока), маргинальные религиозные группы и т. п.

Первые две стратегии могут стать основой для еще двух стратегий второго уровня (четвертая и пятая в нашей классификации). Хотя, безусловно, возможна и ситуация, когда религиозные организации ограничатся только теми целями, которые заявлены в первых двух стратегиях.

4. Четвертая стратегия предполагает, что религиозные организации начинают задействовать свои ресурсы для изменения сложившихся правил конкуренции с целью создания условий для максимально полной ее реализации. И с этой целью они начинают пытаться максимально тесно сотрудничать с государственными институтами.

5. Пятая стратегия также предполагает взаимодействие с государственными институтами и максимальное использование собственных ресурсов для изменения правил конкуренции. Однако цель здесь будет прямо противоположная – содействие принятию государством каких-либо правовых норм, ограничивающих межконфессиональную конкуренцию.

Отметим, что сама возможность реализации четвертой и пятой стратегии также задается государством. Если модель светскости и вытекающая из нее модель государственно-конфессиональных взаимодействий позволяет отдельным акторам воспользоваться такими стратегиями, то нет ничего удивительного, что религиозные организации пользуются предоставляемой возможностью и пытаются с помощью государства изменить конкурентную среду исходя из своих конфессиональных предпочтений.

Именно поэтому, исходя из задач нашего исследования, проблема конкуренции существующей в России модели светскости должна быть рассмотрена в рамках не общественных отношений (в широком смысле), а государственных. В этом случае мы рассматриваем реализацию конкурентной светскости через призму государственно-конфессиональных отношений и смотрим, какие «правила игры» формирует государство, как оно ограничивает или поощряет тех или иных субъектов этих отношений, какие государственные институты для этого задействуются, какие формы конкуренции в итоге формируются. Конкуренция при таком подходе будет пониматься как характеристика государственно-конфессиональных отношений, показывающая возможности религиозных организаций находиться в состоянии соперничества, т. е. конкуренции по отношению друг к другу в контексте их взаимодействий с государством.

Исходя из вышесказанного, при анализе современной российской модели светскости предлагается рассмотреть понятие конкурентности в двух аспектах: конституционно-правовом и институциональном, которые также взаимно обуславливают друг друга.

Первые предпосылки либерализации советского религиозно-законодательства и формирования нового конкурентного пространства начались с апреля 1988 г., когда состоялась встреча патриарха Пимена и постоянных членов Священного синода РПЦ с М.С. Горбачевым. В рамках этой встречи представителям Церкви было обещано прекратить дискриминацию религиозных организаций и предпринять шаги по изменению законодательства, направленные на формирование новой конкурентной среды, в которой, в отсутствие диктата со стороны государства, религиозные организации получили бы максимально широкие возможности для своей

деятельности⁶. Общественные дискуссии конца 1980-х – начала 1990-х годов не ставили своей целью каким-либо образом концептуализировать понятие конкурентной модели светскости и соответствующих правовых ограничений. Как аксиома воспринимался тезис о том, что конкуренция религиозных учений в отсутствие доминирования государственной идеологии не должна искусственно ограничиваться, что «невидимая рука рынка» проявит себя и в этой области общественных отношений и приведет к устойчивой модели светскости. Первым законодательным актом, отразившим перемены, стал принятый 1 октября 1990 г. Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях». Во многом он формализовал подобный дискурс⁷. Хотя союзный закон в связи с распадом СССР действовал недолго, его основные положения были сохранены и продублированы в российском законодательстве – в том числе и в первом российском нормативном акте, регламентирующем права верующих и религиозных организаций – Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий»⁸.

Дальнейшее развитие законодательного процесса, связанного с религиозной сферой, шло некоторое время в направлении включения либеральных норм европейского права в российскую правовую систему. Так, в 1991 г. была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина, гарантирующая свободу религиозной деятельности и право распространять религиозные убеждения⁹. Развитие этих положений продолжилось в основном законе, регламентирующем положение религиозных объединений в России – Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г. и действующей по сей день.

Конституция РФ, провозгласив светскость государства и определив, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, завершила формирование контуров максимально конкурентной модели светскости. На этапе общественного обсуждения Конституции высказывались мнения, что степень конкуренции в формируемой модели светскости необходимо искусственно ограничить, что либеральная интерпретация принципов свободы совести и вытекающих из них моделей государственно-конфессиональных отношений не соответствуют историческому опыту России, а консервативные круги в РПЦ прямо предлагали наделить РПЦ особым статусом¹⁰. Однако принятые нормы Конституции РФ свели на нет дискуссию о возможности выделения государственной церкви или присвоения той или иной религиозной традиции или группе религиозных

традиций статуса главенствующего вероисповедания. Также стали неактуальны и предложения о заключении специальных соглашений или конкордатов между государством и приоритетными религиозными организациями, подчеркивающих их особый правовой статус. Именно с этого момента можно говорить о формировании современной российской модели светскости в ее конституционно-правовом аспекте. При этом ее формирование шло в том же тренде, что был задан в 1989 г., т. е. максимальная реализация принципов конкурентности. Этот вектор стал претерпевать изменения только к 1997 г. И здесь значительную роль сыграли крупнейшие российские религиозные организации, существовавшие в правовом пространстве государства еще со времен СССР. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. они приветствовали либерализацию религиозного законодательства и попытались реализовать в предложенных государством рамках стратегию максимальной вовлеченности в конкурентную борьбу, ведя активную миссионерскую работу и прозелитическую деятельность. Однако столкнувшись с ситуацией невозможности конкурировать с аналогичной деятельностью зарубежных религиозных организаций, имеющих несопоставимые организационные и материальные ресурсы, а также опыт практической работы в условиях конкурентных моделей светскости иных государств, они выбрали пятую стратегию (согласно нашей типологии), направленную на изменения сложившихся правил конкуренции с целью способствовать введению государством каких-либо правовых норм, эту конкуренцию ограничивающих¹¹. В первые годы после принятия Конституции активизировался и публичный дискурс о рисках утраты религиозной идентичности из-за действий зарубежных миссионеров, о религиозном прозелитизме. Из всех российских религиозных организаций Русская православная церковь (далее РПЦ) максимально эффективно продуцировала этот дискурс (преимущественно в контексте католического прозелитизма и неправомерности инославной миссии в пределах своей канонической территории¹²) и сумела на практике реализовать стратегию ограничения конкурентности. Особенно ярко это проявилось на этапе разработки и принятия в конце 1990-х гг. закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Этот документ имел принципиальное значение в контексте рассматриваемой проблематики, т. к. одной из причин его принятия была необходимость регулирования деятельности иностранных миссионеров. Сужение конкурентного пространства после принятия этого закона получило правовое обоснование – появились жесткие критерии (например, 15-летний срок существования на

территории России), соответствие которым позволяло религиозному объединению получить статус религиозной организации и обрести полную правосубъектность. Характерно, что религиозными объединениями, которые не могли соответствовать требованиям нового закона, подобные нормы рассматривались именно как заградительные, сужающие конкурентное пространство религий. Борьба с ними велась с привлечением международных институтов и завершилась успехом только в 2015 г., когда на основании постановления Европейского суда по правам человека от 1 октября 2009 г. (принятому на основании заявления членов общины «свидетелей Иеговы») российские законодатели отказались от наиболее жестких норм ограничения регистрации религиозных организаций по критерию их пребывания на территории РФ¹³. Подобная либерализация коснется в первую очередь деятельности протестантских общин, которые не входят в структуру централизованной религиозной организации и смогут более активно вести свою деятельность в новом правовом статусе.

Еще одним сюжетом, который активно дискутировался на этапе принятия Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и который с тех пор периодически актуализируется в публичном дискурсе, является возможность закрепления приоритетного статуса традиционных для России вероисповеданий. В упомянутом выше законе известная преамбула о том, что «Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры», что она уважает «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»¹⁴, не имеет нормативного характера. Однако на ее основе выстраивается практика уже институциональных взаимодействий с организациями, которые претендуют на то, чтобы представлять указанные в Законе религиозные традиции.

Хотя религиозные организации с разной степенью успешности применяли стратегии по реализации собственного видения содержания законов, регулирующих их деятельность (возвращение и передача движимого и недвижимого имущества, налоговые льготы при осуществлении уставной деятельности, вопросы финансирования конфессионально-ориентированных учебных заведений и ряд других), принципиальных изменений в конкурентном аспекте нормативно-правовой составляющей российской модели светскости, затрагивающих базовые условия существования религиозных организаций в российском государстве в период с 1997 по 2015 г. (до

момента внесения поправок в закон «О свободе совести и религиозных объединениях»), не наблюдалось. Исключением здесь являлась только последовательная политика государства по исключению из конкурентного пространства тех религиозных объединений, деятельность которых может расцениваться как экстремистская¹⁵. При этом если мы возьмем такие направления взаимодействий, как религия и армия, религия и система государственного образования, в рамках которых наблюдалось сотрудничество государства с ограниченным количеством религиозных организаций, то увидим, что речь будет идти о конкретной институциональной практике. В правовой же системе не устанавливалось приоритетов подобных взаимодействий, но и не отрицалась возможность избирательного сотрудничества государства с наиболее крупными и значимыми для общества религиозными организациями.

Говоря об институциональном аспекте конкурентной модели светскости, следует отдельно упомянуть Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, который де-факто является своеобразным фильтром, выделяющим из нескольких десятков централизованных религиозных организаций, зарегистрированных Министерством юстиции РФ, те, которые имеют возможность для более тесного сотрудничества с государством. Фактически государственные институты взаимодействуют только с теми организациями, которые представлены в Совете. Особенности работы, персональный состав, конфессиональная принадлежность привлеченных экспертов таких государственных институтов, как Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ и Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы РФ, демонстрируют, что наиболее интенсивные взаимодействия осуществляются не только с зарегистрированными централизованными религиозными организациями, что достаточно очевидно, но, в первую очередь, с теми из них, кто претендует на институциональное представление соответствующей религиозной традиции или хотя бы значительной ее части – Русской православной церковью Московского патриархата, Советом муфтиев России, Центральным духовным управлением мусульман России, Координационным центром мусульман Северного Кавказа, Федерацией еврейских общин России, Конгрессом еврейских религиозных общин и организаций России, Буддийской традиционной Сангхой России. Преимущественно только с этими же организациями выстраивают институциональные взаимодействия такие министерства и ведомства, как Минобороны, МВД, МИД, Минобрнауки и др. Подобная модель формиро-

валась на протяжении 1997–1998 – начала 2000-х гг. и фактически очертила рамки ограниченной конкурентности в институциональном аспекте современной российской модели светскости.

Государство на протяжении всего рассматриваемого периода задает формат конкурентности существующей модели светскости, используя механизмы правового регулирования, а также реалии институциональной практики. В первом случае происходит ограничение правосубъектности отдельных религиозных объединений по критериям, определяемым приоритетами национальной безопасности. В середине 1990-х годов в качестве угрозы национальной безопасности выступала трансформация религиозной и культурной идентичности жителей РФ по результатам активной деятельности иностранных миссионеров, и именно этим во многом обосновывалось включение в правовую систему заградительных норм, связанных с регистрацией религиозных организаций. К 2015 г. эта угроза потеряла актуальность и соответствующие нормы были исключены из законодательства. К середине «нулевых» основными угрозами стали терроризм и экстремизм, и началось более интенсивное исключение связанных с этими явлениями религиозных организаций из конкурентного пространства. Выделение приоритетов в институциональном взаимодействии, создающее преимущества определенным религиозным организациям, по критериям их большей или меньшей значимости для общества, сформировало к середине 2000-х гг. режим ограниченной институциональной конкурентности, который можно рассматривать как одну из базовых характеристик современной российской модели светскости.

Примечания

- ¹ *Донцев С.П.* К вопросу о моделировании государственно-конфессиональных взаимодействий // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Материалы X Междунар. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 2. М., 2013. С. 166–172.
- ² *Понкин И.В.* Современное светское государство: конституционно-правовое исследование. М.: Ин-т гос.-конфес. отнош. и права, 2005. С. 14–25.
- ³ Там же. С. 28.
- ⁴ *Лобделл У.* Теряя веру: Как я утратил веру, делая репортажи о религиозной жизни. М.: Эксмо, 2011.
- ⁵ Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославии: Сб. документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви. Н. Новгород, 2001. С. 157.

- ⁶ *Цытин В.* История Русской Церкви: [В 9 кн.]. [Кн. 9]: 1917–1997. М., 1997. С. 461.
- ⁷ Закон СССР № 1689-І от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.
- ⁸ Закон РСФСР № 267-І от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий» // Российская газета. 1990. 8 дек.
- ⁹ Постановление Верховного совета РСФСР № 1920-І от 22 ноября 1991 г. «О декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
- ¹⁰ См., например: *Иоани (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Битва за Россию: православие и современность. СПб., 1993; *Он же.* Русь соборная: очерки христианской государственности. СПб., 1994.
- ¹¹ *Донцев С.П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ, 2014. С. 24–25.
- ¹² Там же. С. 138–139.
- ¹³ См. подробнее: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4387.
- ¹⁴ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Там же. 1997. № 39. Ст. 4465.
- ¹⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Там же. 2002. № 30. Ст. 3031.